

ТЮРПЕН И КУРАКИН — ЛИТЕРАТОР И ВЕЛЬМОЖА

Они были хорошо знакомы друг другу, эти двое, о которых стоит напомнить: Франсуа-Анри Тюрпен, покровительствуемый,¹ и его покровитель, князь Александр Борисович Куракин. Тюрпен, должно быть, познакомился с Куракиным в один из приездов последнего в Париж. Их отношения засвидетельствованы по крайней мере четырьмя письмами Тюрпена, из которых самое важное он напечатал в качестве предисловия к своей трагедии «Кир» (опубликованной в 1775 г.).² Другие три письма помещены в «Архиве князя Куракина»,³ но без каких-либо откликов со стороны князя, корреспондента, видимо, менее усердного, чем его партнер. Таким образом, не располагая ответами князя (если они были написаны), мы воспроизводим здесь письма Тюрпена в виде своеобразного «монолога». Но этот монолог показателен, так как он раскрывает литературные интересы князя и, разумеется, заинтересованность покровительствуемого в том, чтобы удовлетворить эти интересы.

Франсуа-Анри Тюрпену было только 23 года, когда он написал своего «Кира», старательное подражание Корнелию, трагедию без будущего, не игранную, да и невозможную к постановке, но

¹ Франсуа-Анри Тюрпен родился в Кане в 1709 г. и умер в Париже в 1799 г. Сначала он был преподавателем в Коллеже Дюбуа в своем родном городе, затем, по совету Гельвеция, он избрал себе карьеру литератора в Париже. Его дружба с аббатом Сабатье и поэтом Жильбером лишила его покровительства философов. Назначенный в 1771 г. историографом морского флота, он должен был ввиду недостатка средств наспех работать для книгоиздателей.

² *Cyrus, précédé d'une lettre de l'auteur, par M. Turpin, prix trois livres, broché, à Paris, rue Saint-Jean de Beauvais, la première porte cochère, au-dessus du Collège, MDCCLXXV. Avec approbation. Lettre à Monsieur le prince Kurakine, Gentilhomme de la Chambre de sa majesté impériale de toutes les Russies.*

³ Архив князя Ф. А. Куракина, т. VIII, М., 1899, письмо № 402 (стр. 145—146) от 30 октября 1775 г.; т. IX, 1901, письмо № 1707 (стр. 282—287) от 23 февраля 1777 г. и письмо № 1816 (стр. 415—417) от 4 сентября 1777 г.

в своем роде типичный образец псевдоклассического жанра. Сначала о ее содержании: дитя, похищенное у смерти, изгнанные принцы, обретенные наперсники, конфликт двух королей, Астиага — короля Мидии и Камбиза — короля Персии, с заключительным в развязке мрачной драмы триумфом сына Камбиза, Кира, который берет себе в жены дочь мидийского принца Арпага. По своему стилю это произведение еще более псевдоклассическое: каждый стих — это реминисценция, штамп, театральная формула, салонный комплимент; ни на одну минуту читатель не покидает арсенала давно известных приемов. Но автор и не строил себе иллюзий по поводу своего произведения; это князь Куракин заставил Тюрпена решиться опубликовать свою трагедию.

Писатель совершенно не претендовал на оригинальность, ему было достаточно быть публицистом, более журналистом, чем литератором, предлагающим свое перо придворным, желающим писать, когда им удастся писать чужими руками.

При случае биограф и историк, популяризатор, очень ценимый издателями и книготорговцами, Тюрпен написал «Жизнь Шарля и Цезаря дю Плесси-Прален (1767—1768)», «Жизнь Луи Бурбона-второго, князя Конде» (1767), «Историю правления в древних республиках» (1769), «Путешествие на Цейлон» (1776), «Всемирную историю» (1770—1771), «Политическую и естественную историю королевства Сиам» (1771). Неутомимый борзописец, он позднее составил «Историческую картину французского морского флота» (1778) и, сверх всего, свою огромную биографическую роспись — «Знаменитая Франция, или Французский Плутарх» (1780—1785). Этому произведению он придавал большое значение, и не без основания. Однако этот незаурядный человек, каким он предстает из его письма, стоил большего, чем его работы, которым он посвящал себя по необходимости, для заработка на пропитание. Он сам понимал это и признавался в этом с грустью, но не без гордости, в конце своего письма к князю, напечатанного в 1775 г.: «В то время как я вынужден из-за бедности дорожить своим временем, мне часто приходится посвящать его людям, которые, рождаясь с большим богатством и маленьким талантом, стремятся к литературной славе, несмотря на то, что природа отдала им в средствах для ее приобретения. Старание упрочить их репутацию стало для меня причиной невозможности расширить свою, и, когда я захотел воспользоваться собственными запасами, я увидел, что изобилие привело меня к бедности. Тогда, стыдясь своей нищеты, я сам осудил себя на безвестность, и я нахожу утешение в стихе Филоктета: „Я делаю царей и не устаю быть царем“».⁴

⁴ Стих взят из трагедии Жана-Батиста-Вивьена де Шатобриона «Филоктет» (1756). Шатобрион (1686—1775), избранный во Французскую академию в 1753 г., подражая греческим и латинским авторам, сочинил много трагедий,

Князь Александр Борисович Куракин принадлежал к группе молодых русских аристократов, которые в продолжение 1770—1776 г. были студентами Лейденского университета. Пребывание в Голландии наложило на него свой отпечаток, и он сохранил о нем самое живое воспоминание, как показывает одно из его писем: «Сколько познаний имел я случай приобрести в Лейдене! До этого времени я жил лишь для себя, забывая цель моего Создателя, забывая цели доброго гражданина, наконец, даже обязанности признательного сына». Именно во время своего ученья в Лейдене он обещал себе стать «просвещенным гражданином, полезным для своего отечества». Он написал «Воспоминания о путешествии в Голландию и в Англию», опубликованные позднее, в 1815 г., в Петербурге, которые теперь невозможно найти. По возвращении в Россию он стал самым близким другом наследника цесаревича Павла и в 1773 г. стал масоном (столичная ложа: *Capitulum Petropolitanum*).⁵

Письмо Тюрпена 1775 г. дает представление о самом авторе, его окружении и его времени. Это сплошные комплименты, льстивые заявления, поклоны и заверения в преданности сильным мира сего. Так, в адрес своего покровителя князя Куракина и косвенно в адрес наследного князя Павла Тюрпен пишет: «Сколь утешительно для благодетельного гения, который держит в своих руках бразды правления самой обширной империи мира,⁶ видеть в племяннике наследника своих талантов и добродетелей... Не имея более прерогативы своих предков повелевать людьми,⁷ Вы стремитесь к славному делу их просвещения. Именно благодаря Вашим счастливым наклонностям Вы оправдали доброжелательность великого князя, который обещает земле царствование нового Тита или второго Марка-Аврелия. Предназначенный судьбой быть Вашим господином, он хочет быть вашим другом. Этот титул является достойным вознаграждением за ту почтительную любовь, за тот благородный энтузиазм, который Вас охватывает всякий раз при упоминании его священного имени».

Об императрице Екатерине он пишет: «Ваши рано развившиеся таланты позволили вам быть приближенным к высочайшей особе монархини, чье имя всеобщим признанием помещено среди законодателей и завоевателей. Почитаемая всеми, она торжествует

которые остались в рукописи См. о нем: *Nouvelle Biographie générale*, t. X, 1863, табл. 103—104, статья подписана Т. Мюре (Th. Muret) Избранные произведения Шатобрюна изданы в Париже в 1814 и в 1830 гг.

⁵ Русский биографический словарь. Кнаппе-Кюхельбекер, СПб., 1903, стр. 560—562.

⁶ В примечании говорится: «M. le comte de Panen, premier Ministre de Russie et Gouverneur de son Altesse impériale» (Сурус, стр. 11).

⁷ Тюрпен не преминул напомнить, что Куракин «un descendant des Jagellons et de Gedimin» («потомок Ягеллонов и Гедимины») (там же, стр. II). В дальнейшем ссылки на письмо Тюрпена даются в тексте.

за пределами своей страны, но сердца ее подданных являются ее самыми доблестными завоеваниями» (стр. III).

Затем следует краткий очерк истории цивилизации, беглый и банальный, в котором виден скорее опытный ритор, привычный к общим местам, чем истинный историк. Здесь идет несколько фраз, которые отвечают духу, царящему при дворе, и в которых Западу указывается его истинное место: «Лишь по истечении многих веков Италия стала школой добродетелей и нравов; но, произведя изобильные жатвы, эта страна была внезапно поражена бесплодием. Французы, оставаясь долгое время варварами, связывали с литературой низменную и гнусную идею. Они презирали перо, довольствуясь умением владеть саблей и дубиной, чтобы со славой убивать друг друга» (стр. VI).

Однако цивилизация победила: «Двор Людовика XIV стал в свою очередь школой учтивости и вкуса; просвещение шире распространилось по всей Европе; и все народы, от Эбро до берегов Волги, увидели сияние нескольких искр священного огня, которые, как вы предвидите, должны скоро погаснуть» (стр. VI—VII).

Князь Куракин действительно беспокоится о будущем и боится возврата к варварству. Тюрпен хочет его успокоить: «Хорошему вкусу нечего больше бояться переворотов, с тех пор как утонченные и независимые нации соединены между собой коммерческими и политическими интересами. Невидимая цепь формирует из них теперь единое литературное общество. Люди, разделенные реками и морями, живут вместе и делятся друг с другом своими познаниями. Сидя в своих кабинетах, они присутствуют повсюду. Спокойные и безоружные, они дают и принимают бои идей. Их победы или поражения всегда оборачиваются пользой для наций, которые из-за них становятся более просвещенными. Именно благодаря этим столкновениям побеждаются и разрушаются национальные предрассудки, исчезают или по крайней мере смягчаются местные пороки, а местные красоты заменяются чертами, которые нравятся людям всех времен и областей» (стр. VI—VII).

История человеческой мысли, как представляет ее Тюрпен, подтверждает его веру в разум: «Декарт, вооруженный сомнением, поднимает знамя мятежа. Новый Титан, он сражается с богом наций. Возмущенная толпа объявляет его святотатцем. Глухой к бессмысленным воплям, он восстановил человека в достоинстве его прав и отомстил за униженный разум» (стр. XIII—XIV).

Но философия Декарта была в свою очередь подвергнута испытанию: «Когда Аристотель перестал быть законодателем и тираном вкусов, воцарился культ картезианской философии. Идолопоклонство лишь переменило объект. Французский философ взгромоздился на алтарь вместо им же разбитого кумира. Чья же рука ниспровергла это новое здание, более пышное, нежели надежное? Народы Европы подвергли эту философию испытанию, которое разоблачило ее суетность. Именно иностранцы открыли нам,

что Декарт, радовавшийся своей победе над заблуждением, лишь заменил его затейливой ложью» (стр. XXII).

Однако другое бедствие заставляет князя опасаться, что науки и искусства не смогут долго продержаться в полном великолепии: «Европа, охваченная сегодня войной, порождает лишь племя солдат и, кажется, готовит те перевороты, которые уничтожили ее под лавиной Кимвров и Вандалов» (стр. XXIV—XXV). На это Тюрпен безмятежно отвечает: «Эти примеры, князь, совершенно не должны вас пугать. Если победителями окажутся просвещенные и культурные народы, война только послужит распространению искусств. Все европейские нации шествуют сегодня при свете факела науки; народы Танаиса и Волги обладают учтивостью римлян и вежливостью греков: гордые потомки галлов и тевтонов не сохранили никаких следов дикости своих предков; таким образом, из какой бы страны ни происходил народ-завоеватель, наукам нечего опасаться его господства. Петербург и Берлин подтверждают это» (стр. XXV—XXVI).

Как справедливо думает князь Куракин, война иногда задерживает развитие искусств: «Взгляды нации устремлены на тех, кто сражается за нее; прекраснее мужественно осуществлять опасные предприятия, чем красноречиво их описывать; поэтому учебного затмевает герой» (стр. XXVI).

Тюрпен соглашается с этим, однако, по его мнению, опыт прошлого укрепляет веру в прогресс, несмотря на все войны: «Хотя сегодня одно европейское государство содержит больше войска, чем имели два века назад все державы вместе, — это новое государственное устройство не может остановить прогресса духа. Ученый и воинственный Египет произвел на свет ученых и завоевателей; древняя Греция просвещала мир своими писаниями и наводила на него ужас своим оружием. Все самые просвещенные столетия были столетиями войн. Именно среди жестокостей Триумвирата, когда Рим раздирает свои внутренности и пожирает собственных детей, — именно тогда создают свои гениальные памятники Гораций и Вергилий. Среди воинственных тревог Франциск I посадил рядом с собой на трон Науки и Искусства. Среди потрясений, колебавших ее остров, рождает Англия шедевры, которые позволили ей занять столь выдающееся место в империи Словесности» (стр. XXVII—XXVIII).

Кроме того, военное искусство тоже имеет свои преимущества, и Тюрпен рисует картину этих преимуществ с простодушием автора, не имеющего ни малейшего военного опыта: «Искусство, поднимающее мужество над опасностями, заставляющее предпочесть тернистые тропы славы наслаждениям отдыха, может внушить нам лишь общественные добродетели и возвышенные идеи. Общественная нравственность находит отравленные источники вовсе не в военном лагере; роскошь если и появляется там, то лишь делает смешным того, кто выставляет ее напоказ, чтобы

скрыть свою незначительность. Там не знают ни низости интриги, ни прикрас лести. Искренность есть первое свойство воина» (стр. XXVIII—XXX).

И похвальное слово этому союзу военного искусства и наук венчается призывом, обращенным к цесаревичу Павлу и к императрице Екатерине: «Князь, вы убедитесь в истинности этого, когда, приехав в Петербург, узрите в одном человеке Мудреца и Героя, когда на одном троне увидите Минерву и Победу; когда приблизитесь к принцу, который невольно внушает восхищение в том возрасте, когда хотят только нравиться, к принцу, роскошно вознаграждающему искусства, которыми он сам с успехом занимается» (стр. XXX).

Главный труд Тюрпена, в 1776 г., последовал вскоре за «Киром». Это — «Знаменитая Франция, или Французский Плутарх, содержащий историю или историческую похвалу министров, генералов и должностных лиц г. Тюрпена, гражданина Сен-Мало в Париже».⁸

Здесь (стр. IX—LXXVI) находится важное письмо к князю Куракину. Вот самые поразительные отрывки из него: «Князь, вот вам мое второе подношение: памятник, который я воздвигаю благодетелям моего Отечества, должен заинтересовать все благородные души, и по этой причине я посвящаю свой труд вам. История знаменитых людей должна выйти под покровительством того князя, который обещает в наши дни возродить их таланты и добродетели. Мудрецы и герои всех стран для вас не безвестны. Благородство ваших наклонностей свидетельствует, что у вас с ними общее происхождение».

Надо просветить князя Куракина относительно прогресса, которого достигли люди за эти последние годы, измерить величие настоящего и будущего, которое уже ощущается. И как пылкий защитник «просвещения» и политики своей страны Тюрпен провозглашает свой символ веры: «Пламя гения не только не угасло, но, по-видимому, даже усиливается. Искусство управления сделало командование менее жестким, а послушание — менее тягостным; почти все империи управляются определенными законами, а не переменчивыми желаниями их правителей; управляя с их помощью, государи положили своей власти пределы, которые расширяют и увековечивают ее. Их отеческая неусыпная забота снизошла на низший класс народа, который, будучи наиболее многочисленным, является источником их могущества; отмена барщинных повинностей — дело, которое было начато на самой заре нынешнего счастливого царствования, и время даст французскому Титу возможность его завершить. Сельское хозяйство, прежде брошен-

⁸ La France illustre, ou la Plutarque, contenant l'Histoire ou Eloge historique des Ministres, des Généraux, et des Magistrats, par M. Turpin, Citoyen de St. Malo à Paris. Chez Lacombe, Libraire, rue de Tournon. MDCCLXXVII. Avec approbation et privilège du Roi (Année 1776).

ное на деревенских жителей, руководствовавшихся только своим инстинктом, теперь облагорожено трудами ученых, открывших секрет превращения самых неблагодарных и заброшенных земель в плодородные. Труд земледельца воодушевляется наградами: основаны академии, присуждаются премии тем, кто укажет способы добиться изобилия. Покоренные народы не обрекаются более на рабство; побежденный остается владельцем своего наследия; меняется его господин, но не его судьба; и когда громы гремят вокруг его владений, он остается у своего очага, в покое и безопасности... Различие религиозных воззрений не порождает более тех ужасов, что превращали учеников милосердного бога в лютых волков. Более просвещенное религиозное рвение лишено горечи и жестокости; потомки мучеников не вооружаются более мечами палачей, и только немногие искры поднимаются от костров инквизиции; теперь уже не смешивают ошибки с преступлениями; первые пастыри применяют теперь только убеждение для того, чтобы вернуть заблудших овец, ибо в наши дни, наконец, убедились в том, что болезни духа лечатся не железом. Терпимость сблизила людей, разделенных своими воззрениями».

Нечто вроде гимна императрице Екатерине, одновременно победительнице, законодательнице и освободительнице, сопровождает хвалу военному искусству: «Победу, восседающую на том же троне, что и Северная Минерва, вы можете узреть в Петербурге; среди тревог войны Екатерина основывает учреждения, которые увековечат ее благотворительность и память о ее счастливом и благодетельном царствовании. В то время как ее флоты развернули свои знамена в Средиземном море, чтобы вызволить греков из унижения; в то время, как ее непобедимые легионы решают судьбы Крыма, государыня эта, окруженная людьми, которых она осчастливила, создает изобилие в своих провинциях. Ее громы карают только неправедных агрессоров, которые сами их на себя навлекли; в России царит спокойствие, гроза бушует лишь над врагами, изменившими своему слову».

Сегодня нельзя без улыбки говорить об этой воображаемой гармонии политики Екатерины, такой, какой ее представлял себе соотечественник и современник Дидро, — смешанной с безудержным восхвалением «просвещенного абсолютизма». Но и в этом случае гражданин Сен-Мало из Бретани разделял иллюзию, распространенную среди энциклопедистов, а поддержанию этой иллюзии, без сомнения, способствовал тонкий придворный ум князя Куракина, убежденного, что он таким образом служит политике, которую тогда проводила императрица Екатерина и которую она скоро отбросит, как только окажется лицом к лицу с революцией.

Три других письма Тюрпена, как указано выше, напечатаны в «Архиве А. Б. Куракина» и вполне доступны читателю, который заинтересовался бы подробностями литературных отношений Тюрпена и молодого вельможи.